

Помимо Института этнографии, этнографическую работу в Народной Республике Сербии ведет ряд других научных учреждений. В научной жизни Этнографического музея в Белграде большой интерес представила организованная в 1949 г. «Выставка этнографической живописи XIX в.», на которой экспонировалось около 20 полотен малоизвестных художников П. Джурковича, У. Кнежевича, Н. Арсеновича, дающих интересный материал по народной одежде и жилищу XIX в.⁴⁸

Матица Сербская, основной культурный и научный центр Воеводины, после проведенной в 1948—1949 гг. реорганизации имеет в своем составе историческую, археологическую, этнографическую секции. Работая в тесном контакте с Сербской Академией наук, Матица Сербская проводит систематическое изучение этнических особенностей населения Воеводины, большое внимание уделяется изучению сербского народного костюма на ее территории⁴⁹, народному творчеству. Большой интерес представляют исследования Матицы о сербо-хорватских народных певцах XVIII—XIX вв.⁵⁰

В данном обзоре мы ставили своей целью познакомить советских этнографов с основными направлениями этнографических исследований в одной из крупнейших республик Югославии, сопроводив наш очерк подробным библиографическим указателем имевшихся в нашем распоряжении публикаций. Многие из них, безусловно, заслуживают специального рецензирования.

И. А. Калоева

АНТРОПОЛОГИЯ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Автору этих строк представилась возможность провести в Польской Народной Республике один из летних месяцев и посвятить некоторую часть этого времени на ознакомление с польскими антропологическими учреждениями и на установление личных связей с деятелями польской антропологической науки. Понять и по достоинству оценить деятельность польских антропологов можно лишь в свете того широкого общенародного движения, направленного на строительство новой Польши, которое проявляется во всех областях польской жизни и составляет ее самую характерную черту. В сфере науки это движение проявляется не в меньшей мере, чем в области индустрии и в сельском хозяйстве. Польская наука послевоенных лет направила свои усилия на служение общенародному делу — восстановлению страны и созданию основ социализма. Одним из проявлений новой ориентации науки служит огромный рост числа польских образовательных учреждений, — в первую очередь высших и средних школ, а также создание и быстрое развертывание деятельности Общества по распространению знаний. В Польше издается несколько прекрасно оформляемых научно-популярных журналов по различным отраслям знания, выходит в большом количестве научно-популярная литература. Эти успехи в деле популяризации и пропаганды наук среди широких масс производят тем большее впечатление, что в Польше, насколько мы знаем, не существовало той традиции популяризации науки, которая в России была создана революционными демократами (Чернышевский, Писарев и др.) и крупнейшими представителями науки конца прошлого и начала текущего столетия (Тимирязев, Мечников, Анучин, Богданов, Мензбир и др.). Для польской научной общности массовой популяризация знаний была сравнительно новым делом, а потому, естественно, не все польские ученые смогли сразу же принять в ней участие. Однако в последние годы необычайно усилилась тяга польских ученых к более тесному сближению с массами, стремление нести в самую гущу народа достижения науки. В частности, многие польские антропологи, особенно молодые растущие кадры, стали развивать широкую деятельность в области популяризации такой важной для создания научно-материалистического мировоззрения дисциплины, как антропология.

Т. Ћорђевић, Из наших народных пословица, «Зборник радова Српске академије наука», књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1, Београд, 1950.

⁴⁸ Подробности об этой выставке см. в статье Б. Дробњакović «Изложба етнографског сликарства 19 в. у Етнографском музеју Београда», «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

⁴⁹ Српске народне ношње у Војводини, уредио М. Филиповић, дил I, Нови Сад, 1953 (Матица Српска, Секција за етнологија, књ. 2).

⁵⁰ В. Латкович, О певачима српскохрватских народних епских песама до краја 18 в., «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1954, св. 3—4; С. Матић, Вуков певач Рашко, «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», Нови Сад, 1954, књ. 2; В. Јовановић, О лику Филипа Вишњића и других гуслара Вукова времена, там же, стр. 67—96.

* * *

Как известно, вторая мировая война принесла Польше неслыханное разорение. Первые послесвоенные годы в области науки ушли на первоначальное восстановление научных учреждений и культурных центров. Вскоре стало ясно, что для продуктивной научной работы требуется целесообразная ее организация. В сфере антропологической науки была найдена чрезвычайно удачная форма этой организации. Сравнительно немногочисленные и разрозненные антропологические научные силы оставались после войны разбросанными по университетским городам, а научная работа, которая возобновлялась по инициативе отдельных ученых почти «стихийно», носила довольно случайный характер и была лишена определенной направленности. Сами научные работники убедились в необходимости ввести в исследовательскую работу плановость и единство, подчинить ее задачам социалистического строительства в Польше. Более активная часть польских антропологов, сгруппировавшаяся вокруг проф. Я. Мидлярского (Jan Mydlarski), выработала программу объединенной работы, предусматривавшую: критический пересмотр методологических позиций, планомерную разработку ряда теоретических проблем (проблемы антропогенеза, этногенеза и др.), а также изучение таких вопросов практики, которые связаны с задачами здравоохранения (постановка дела физического воспитания и контроля над ним, проблема типологии мужского и женского организма и ее значение для патологии) и с задачами массового производства предметов народного потребления предприятиями легкой промышленности (проблема стандартизации). Для осуществления этого большого плана потребовалась организация наличных научных сил и планомерная подготовка новых антропологических кадров.

Польское правительство с большой готовностью пошло навстречу этому движению работников антропологической науки. В Польской Академии наук (сокращенно обозначаемой ПАН) была учреждена кафедра антропологии, руководителем которой был избран проф. Ян Мидлярский. Один из старейших антропологов Польши, проф. Я. Чекановский (Jan Szekanowski) был избран титулярным (почетным) академиком. В семи университетах Польши на биолого-почвенных факультетах учреждены кафедры (или введены курсы) антропологии; равным образом антропологические кафедры учреждены во всех институтах физического воспитания. Таким образом, во всех почти крупных городах Польши были созданы антропологические ячейки, возглавляемые квалифицированными учеными. Так, в старейшем университете Польши — Краковском, где в 1856 г. впервые в Польше было начато преподавание антропологии (проф. Мейером, а потом проф. Коперницким), во главе кафедры антропологии стоит заслуженный антрополог Польши, профессор Казимир Стольхово (K. Stołyhwo), чьи работы по неандерталонным черепам хорошо известны и в Советском Союзе. Кафедру Познанского университета возглавляет проф. Я. Чекановский. Во Вроцлаве, ставшем основным центром антропологической науки в Польше, университетскую кафедру занимает проф. Я. Мидлярский, в Варшаве — проф. Росиньский (Rosyński), теперь уже перешедший на пенсию, и т. д. Университетские антропологические кафедры осуществляют преподавание анатомии человека (с практическими занятиями) и антропологии. Обе эти дисциплины — анатомия человека и антропология — являются обязательными для всех студентов биолого-почвенных факультетов, независимо от их узкой специальности. Подготовка же антропологических кадров путем специализации студентов на кафедре антропологии осуществляется только во Вроцлавском университете. Остальные университеты не готовят антропологов, а используют уже подготовленные кадры, как и институты физического воспитания. К этому необходимо прибавить, что в ряде медицинских вузов кафедры нормальной анатомии заняты активными деятелями антропологической науки, развивающими на своих кафедрах широкую исследовательскую работу в этой области. Примером может служить недавно созданный медицинский институт (Академия медицинских наук) в Белостоке. Молодой и энергичный профессор Тадеуш Дзержикрай-Рогальский (Tadeusz Dzierżykraj-Rogalski) со своими сотрудниками развешивает плодотворную деятельность не только в областях, непосредственно связанных с медициной, но и в области палеоантропологии Польши.

Учебные планы вузов построены так, что обеспечивают возможность научной антропологической работы.

Вся эта работа объединяется и координируется путем организации «Антропологического комитета» Польши, в состав которого входят все заведующие кафедрами антропологии (а также анатомии, если они ведут антропологическую работу). Комитет четыре раза в год собирается на сессии, проходящие под председательством академика Я. Мидлярского. На сессиях Антропологического комитета заслушиваются отчеты о произведенных исследованиях, планируется научная работа на ближайшее время, рассматриваются представленные для печати труды, но главным образом организуются широкие дискуссии по основным антропологическим проблемам. Так, например, на сессии, происшедшей летом 1954 года в Кракове, подробно и горячо обсуждался вопрос о постановке антропометрических обследований в связи с задачами стандартизации. Очень показательным, что в этой дискуссии принимали участие не только антропологи и математики, но и руководящие представители министерства легкой промышленности и главного статистического управления Польши.

Параллельно с Антропологическим комитетом действует более многочисленное «Польское антропологическое общество», издающее печатный орган польской антропологии «Przegląd Antropologiczny» — «Антропологическое обозрение»¹. В последние годы этот журнал выходил один раз в год, размером около 30 п. л. (всего вышло до 1955 г. 20 томов). Теперь предполагается издавать по два тома в год, по 40 п. л. каждый. Кроме того, издаются отдельные монографии и научно-популярные работы.

* * *

Какими же проблемами в основном интересуется за последние годы польская антропология?

Новейшую польскую антропологическую литературу можно сгруппировать по следующим разделам: вопросы методологии и методики; проблемы антропогенеза; вопросы этнической антропологии (этногенез и расогенез) и область так называемой морфологии человека — теоретической и прикладной. Особое место занимает многочисленная научно-популярная литература.

Горячий интерес к вопросам методологии отразился в дискуссиях по различным проблемам антропологической науки, в частности, по поводу антропологических типов и методов их выделения. Дело в том, что до послевоенного периода господствующее положение в польской этнической антропологии принадлежало разработанному еще в начале текущего столетия проф. Чекановским методу выделения расовых типов, который находился в близкой зависимости от методологических установок западной антропологии. Еще до начала второй мировой войны эти методы были подвергнуты строгой принципиальной критике со стороны советских ученых — проф. Г. Ф. Дебеца и проф. М. В. Игнатьева. Всесторонней критике, связанной с самокритикой, подверглась методика проф. Чекановского в польских антропологических дискуссиях. Подводя итоги декабрьской конференции, происходившей во Вроцлаве в 1951 г., проф. Я. Мидлярский сказал: «Целью нашей конференции было: 1) обсуждение применяемых в польской антропологии методов и вслед за тем отыскание путей к улучшению этих методов, 2) организация общей работы антропологических сил Польши, для чего первым шагом должна быть дискуссия по проблемам нашей рабочей методики... Дискуссия была острой и деловой...»

Из крупных докладов, сделанных на конференции, отметим сообщение проф. Т. Гензеля (T. Henzel) о методе разниц сравнительно с методом квадратичных разниц, сообщение доцента Б. Ясицкого (B. Jasicki) об антропологических корреляциях, два сообщения проф. Ю. Перкал (Julian Perckal) об антропологических индексах и о так называемой вроцлавской таксономии, доклад доктора А. Ванке (Adam Wanke) о статистических корреляциях и доклад проф. И. Михальского (J. Michalski) о значимости морфологического метода наряду со статистическим. Одним из важных вопросов, затрагивавшихся многими участниками конференции, был вопрос о соотношении обоих обсуждаемых методов; общее стремление участников конференции направилось к тому, чтобы не противопоставлять математику морфологии, но прежде всего не терять чувства биологической реальности и не позволять математической абстракции отвлекать исследователя от точно устанавливаемых морфологических фактов. Математический метод необходим и очень ценен как вспомогательный в антропологии, но он нуждается в постоянном контроле со стороны морфологии. Конечно, признать в теории это положение несравненно легче, чем осуществить его на практике, но труды конференции и ее результаты показывают, что в этом последнем отношении польской науке удалось достичь решительных успехов.

Работы польских антропологов в области антропогенеза довольно многочисленны, но в общем ограничены сравнительно-анатомическими исследованиями, с одной стороны, и изучением некоторых ископаемых форм, с другой. На первое место надо поставить труды таких пользующихся мировой известностью ученых, как покойный ныне проф. Э. Лот (Edward Loth) и занимающий кафедру в Кракове проф. К. Столыхово. В XX томе «Р. А.» (1954) напечатаны три посмертных труда Э. Лота: «Обзор зародышевого развития человека», «Классификация морфологических признаков и вариаций у человека» и «Палеогенические черты в строении человека». Все три работы тесно между собой связаны и, возможно, являются главами крупной, но незаконченной монографии по эволюционной эмбриологии человека. Наибольшее количество фактического материала содержится в третьей из названных работ. Автор выделяет ряд признаков, связанных с первоначальной метамерией мускулатуры человеческого тела, палеогенические признаки в скелете, сосудистой и выделительной системах, в бронхиогенных органах, в нервной системе и органах чувств. В небольшой заключительной главе приведены некоторые статические данные о частоте появления тех или других атавизмов, т. е. вариаций, воспроизводящих аистральные особенности структуры органа. Сводная работа Лота по доисторическому человеку появилась в новом издании, дополнением и отредактированным проф. Я. Мидлярским.

Проф. К. Столыхово напечатал в последние годы ряд работ, посвященных раз-

¹ В дальнейшем этот журнал обозначается «Р. А.»

личным актуальным вопросам антропологии, не ограничиваясь областью антропогенеза. Им опубликованы (1948, 1949) статьи, касающиеся методов расового анализа, и в связи с этим он подверг критическому рассмотрению само понятие расы, каким оно вошло по традиции в антропологию XX в. Он восстает против понимания расы как устойчивой, неподвижной совокупности особей, наделенных неизменными (в своих средних) измерительными и описательными признаками, передаваемыми по наследству. По его мнению, расы современного человека это формы существования и развития вида *H. sapiens*, сами подверженные развитию и изменению как во времени, так и в пространстве. В связи с этим автор, в соответствии с идеями А. П. Богданова, на которого он часто ссылается, и Грдлички, протестует против математического схематизма, нашедшего свое крайнее выражение в работах Я. Чекановского и примыкающих к нему польских антропологов.

Особняком стоит работа К. Столыхов, посвященная древности человека в Аргентине (1952), в которой он, опираясь на новейшие палеонтологические открытия, показавшие возможность переживания в Южной Америке некоторых ископаемых форм вплоть до голоцена, ставит вопрос о необходимости пересмотреть наши представления о древности некоторых находок третичных млекопитающих, как, например, мастодонта. Мнение о том, что древность лёссовых отложений пампасов восходит к плиоцену или началу плейстоцена, оказывается совершенно несостоятельным. Соответственно с этим и находки остатков человека в пампасовых формациях Аргентины не могут считаться доказательством большой древности этих насельников Южной Америки.

Неутомимый популяризатор достижений антропологии по вопросам антропогенеза, проф. Ванда Стеншлицка (Wanda Sześlicka) опубликовала некоторые исследования по морфологии ископаемого человека и приматов. В XIX томе «Р. А.» (1953) помещена ее работа: «Среда обитания и предполагаемый образ жизни австралопитеков на основе сопровождающей фауны», в которой автор высказывает мнение, что австралопитеки не были обезьянами в том смысле, в каком его применяет современная зоологическая систематика, а стояли гораздо ближе к человеку. Их распространение не ограничивалось Южной Африкой, так как автор причисляет к ним так называемого «мегапрота африканского» и удабнопитека. Автор не соглашается с Вейденрейхом относительно чрезмерного, гигантского размера тела «гигантопитека» и склонен эту сомнительную форму причислить к кругу австралопитеков. Все эти формы, по мнению автора, были прямоходящими, обладавшими свободными передними конечностями и в известном смысле представлявшими «первый этап очеловечения животного». В связи с этим автор склоняется к признанию Средней Азии (в эпоху плиоцена) за ареал, где происходило очеловечение и откуда новые формы расселились в разных направлениях, в том числе в Северную, а потом и в Южную Африку.

В другой работе «Сравнительно-анатомический анализ австралопитековых» В. Стеншлицка подробно рассматривает морфологию не только черепа и зубного аппарата этих ископаемых сравнительно с современными антропоморфами и человеком, но и устанавливается на сохранившихся фрагментах костей конечностей, подвергая их тщательному изучению. По своим особенностям вся группа оказывается занимающей промежуточное положение между человекообразными обезьянами и гоминидами. Наконец, работа 1951 г. («Р. А.», XVII) «Надглазничные валики и надбровные дуги» связывает эти образования у человека и некоторых млекопитающих (не только приматов) с развитием воздухоносных полостей черепа, дополняя и развивая известную работу Вейнерта по этому вопросу.

Представляет интерес критический очерк В. Стеншлицкой «Проблема систематики отряда приматов» («Р. А.», т. XIX), посвященный попытке Симпсона (1945) пересмотреть систему млекопитающих (современных и ископаемых), в том числе и приматов. В. Стеншлицка отмечает несоответствие декларативной части работы Симпсона с ее реальным осуществлением. В первой Симпсон указывает на необходимость учитывать в систематике данные не только сравнительной морфологии и палеонтологии, но в равной мере эмбриологию, физиологию, экологию, зоогеографию и пр. На деле же он почти ограничивается привлечением общеморфологических данных, особенно внимание уделяя зубному аппарату и признакам черепа, т. е. идет по проторенному пути. Столь же несочувственно высказывается автор обзора и относительно предлагаемого Симпсоном включения тушай не только в отряд приматов по примеру Карлссона (1922) и Ле Гро Кларка (1934), но и в подотряд лемуриных в качестве надсемейства, наряду с другим надсемейством — лемуринов собственно (*Lemurinae*). По мнению В. Стеншлицкой, было бы удобнее из тушай образовать самостоятельную систематическую группу. Еще менее удачным считает автор обзора включение тарзиевых в подотряд просимий (*Prosimiaae*), что явилось бы отнюдь не научным прогрессом, а скорее шагом назад, так как означает игнорирование явлений размножения эмбриологических особенностей и анатомии мягких частей тела; на основе учета всех этих особенностей еще Гадов в XIX в. и ряд авторов XX в. единодушно выделили тарзиевых из группы лемуринов. Способ обозначения систематических категорий, именно — тождественное наименование надсемейств и подотрядов словами с окончанием «idea» (например, *Lemuroidea*) даст повод для смешения этих категорий. В целом автор приходит к выводу, что предложения Симпсона дают очень мало преимуществ перед классификацией, предложенной Абедем в 1934 г.

Много сил отдают польские антропологи изучению антропологического состава населения своей родины. Проф. Ян Мидлярский облегчил работу исследователей, опубликовав в 1952 г. польские антропологические карты. На нескольких страницах этой сводки дано в наглядной форме географическое распределение по 197 уездам (powiaty) Польши важнейших антропологических признаков, таких, как рост, цвет глаз, пигментация волос, различные головные и лицевые указатели,— всего 12 подробных карт. К ним приложено небольшое введение с резюме на английском и русском языках. Некоторые дополнительные данные относительно распределения по воєводствам ряда антропологических признаков дает работа «Антропологическая характеристика вроцлавских студентов» («Р. А.», т. XIX), основанная на изучении пяти с лишним тысяч студентов. Не только антропологический, но и медицинский интерес представляет исследование д-ром Вукрой (Franciszek Wókrój) прикарпатского населения (округа Криница), в котором обращено внимание на характер заболеваемости, на смертность в разном возрасте и на другие демографические данные («Р. А.», т. XVIII, 1952). Для целей антропологической характеристики польского населения имеет значение опубликованная там же работа В. Ласиньского (Wiesław Łasiński), характеризующая папиллярный узор на ладонях. Даны интересные факты относительно различий между правой и левой рукой, связанные с большим использованием первой в трудовых процессах, а также отмечены некоторые отличия человека от высших приматов в отношении папиллярных линий.

Исследования, имеющие своим предметом изучение ископаемых остатков человека (в связи с его культурой), находимых при археологических и палеоантропологических раскопках, были довольно многочисленны за последние годы в Польше. Многие из них, к сожалению, имеют характер кратких сообщений. Францишек Вукрой опубликовал статью с описанием неолитического погребения, обнаруженного близ Бискупина («Р. А.», т. XX). Находка состоит из остатков трех скелетов, лежавших на правом боку в скорченном положении с подогнутыми ногами и обращенной к югу головой. Сохранность костяков не полная: череп сохранился лишь от одного скелета (женского) целиком, с нижней челюстью и зубами. Сопровождающий археологический материал в статье не описан, указано только, что это — некоторые украшения с зигзагообразным орнаментом. Резко выражена платикнемия, имеется третий трохантер на бедренной кости, обнаруживающей также небольшой колло-диафизарный угол. Судя по длине трубчатых костей, скелеты принадлежали людям небольшого роста, за исключением женского скелета среднего роста (157 см). Сохранившийся череп высокий, яйцевидной формы, несколько асимметричный (автор считает возможной посмертную деформацию), с указателем 77,7. Лицо удлинненно-овальное, суживающееся книзу, со слабым альвеолярным прогнатизмом, с указателем 91,9. Глазницы невысокие (ук. 82,9), нос довольно широкий (указ. 55,5). Расовую принадлежность автор называет северо-палеоазиатской. По его мнению, люди этого типа проникли на территорию Польши с берегов среднего Дуная через Моравские Ворота. Назовем также работу белостокского анатома-антрополога проф. Т. Держикрай-Рогальского (1952), описывающую неолитические кости из села Понятувски².

Из работ палеоантропологического характера следует упомянуть о помещенной в XX т. «Р. А.» статье Н. Воляньского (N. Wolański), дающей описание 70 скелетов из древнеисторического кладбища (XI—XII в.) в Базаре Новом, Макув-Мазовецкого уезда. По данным автора, около 35% костяков обнаруживали в составе этой популяции сходство с кроманьонским типом, хотя отличались от него средним ростом. Черепа (пригодных для измерений было 23 черепа) долихоидные (74,5), с средневысоким лицом и среднешироким носом. Подчеркивая известное сходство этой популяции с неолитическими сериями из Бреста Куявского, автор склонен видеть в ней древнейшую форму славянского населения, еще не сформировавшуюся окончательно. Большой интерес представляют скелеты древнеисторических погребений с Чарна Велька Белостокской области, где производились раскопки под руководством проф. Держикрай-Рогальского. Большое число скелетов, добытых из каменных могил, представляют очень хорошую сохранность; они тщательно обрабатываются д-ром Кристиней Моджевской (Krzyszyna Modrzewska), доцентом кафедры нормальной анатомии Белостокской Академии медицинских наук («Р. А.», т. XX).

В работе Л. Сарамы описана небольшая группа скелетов, которая была выкопана в деревне Сосядка, находящейся на месте средневекового городка Оутейска, близ Замостья, 6 скелетов автор относит к X—XII вв.; кроме них было извлечено несколько костяков более позднего времени, оставшихся пока необработанными. В этой небольшой серии господствовал брахиоидный элемент — альпийский и сублаланоидный. В целом и это население, как и население Базара Нового, было сильно смешанным.

Серия из 23 черепов найдена под Варшавой в Черске; из них только 11 оказались пригодными для измерений, обработаны и опубликованы Б. Мишкевичем (B. Miszkiewicz) («Р. А.», т. XX). Исследованию подверглись также найденные там длинные кости. В результате удалось установить средний рост этой популяции, короткоголовость и гипсикрианность черепов, средний размер глазниц и лица. Повторяя прием других польских антропологов, Мишкевич старается дать более дифференциаль-

² К сожалению, указанная работа не была нам доступна.

ный анализ своего материала, отыскивая нордические, субнордические, лапоноидные, альпийские, арменоидные и другие элементы в своей маленькой серии. Выводы этого анализа заставляют самого автора признать, что они имеют гипотетический характер. К этому нельзя не присоединиться. В том же томе помещен краткий отзыв И. Михальского на работу Мишкевича. Можно согласиться с рецензентом в том, что исследованный материал представляет для антропологов интерес, но для того, чтобы обнаружить «значительный шаг вперед в методе антропологического анализа», следовало бы выбрать более крупную и показательную серию и применить более современную и методологически правильную методику выделения расовых типов.

Используя как собственные, так и литературные материалы, польские антропологи занимают проблемы этнической антропологии различных зарубежных стран. Среди этих работ на первом месте следует поставить две крупные монографии. Я. Чекановского, из которых одна («*Crania africana*», «Р. А.», т. XVII) посвящена антропологии населения между речьями Нила и Конго³. Во время своей африканской поездки (перед первой мировой войной) автор собрал богатый антропологический и этнографический материал, из которого он опубликовал в рассматриваемом журнале результаты измерений 1016 черепов с территории Киамотвара и Руанда. Из них 100 черепов собраны на «Острове мертвых», находящемся на озере Ньянца, 903 из королевства Руанда, 10 из Конго, остальные случайные. Все черепа — негрские. Преобладают мужские черепа: так, из 100 черепов с «Острова мертвых» 61 мужской, 38 женских и 1 детский. На таблицах, занимающих 134 страницы текста, даны результаты измерений и важнейшие индексы. Дальнейшая обработка не опубликована. Взяты основные размеры по методике Мартина. Исследователи краниологических серий не могут не быть благодарными автору за публикацию столь ценного материала.

Иного типа исследование представляет посвященная антропологии Швейцарии работа Я. Чекановского в XX томе «Р. А.». Автор использовал данные, опубликованные в 1946 г. Шлагингауфеном (Schlaginhaufen) в его двухтомной работе «*Anthropologia Helvetica*», которая явилась результатом проводившейся в течение шести лет (1927—1932) антропологической съемки Швейцарии на основе обследования более 45 000 призывных. Используя богатый статистический и картографический материал этого монументального исследования, проф. Чекановский применил к его дальнейшей обработке «польский антропологический метод», т. е. разработанную им методику с внесенными в нее А. Ванке поправками, и получил некоторые выводы, представляющие общий интерес для антропологии. В основном они сводятся к следующему: в современном населении Швейцарии следует выделить четыре антропологические «провинции», из которых в трех сохранились три основных расовых компонента, образовавших современное население Швейцарии, а четвертая представляет область неравномерного смещения этих компонентов. В ней в связи с этим сохранились более архаические черты. Самая многолюдная — центральная провинция получила свое современное население в результате массовой иммиграции германского племени алеманов во второй половине V в. н. э. В современном населении центральной провинции наблюдается наиболее высокий для Швейцарии процент нордического и средиземноморского элементов.

Вторая антропологическая провинция обнимает бывшую галло-римскую Гельветию и три германизированных кантона: Базель — город, Цуг и Глярус. Для нее характерен наибольший процент средиземноморского элемента.

Третья провинция обнимает южную Швейцарию и характеризуется большим процентом лапоноидного и арменоидного элементов.

Наконец, кантоны северо-восточной Швейцарии, характеризующиеся сохранением архаических черт, получили свое население в результате поглощения доримской Реции галло-римской Гельветией и алеманским населением.

Полученные автором выводы зафиксированы в ряде карт, которые он сопоставляет с картами других исследователей, обнаруживая при этом тенденциозность немецкой антропологической карты атласа Андрэ (1937):

Молодые антропологические силы Польши выступили с рядом очерков по изучению населения зарубежных стран. Следует отметить статью А. Верцинского (A. Wierciński) по краниологии Цейлона («Р. А.», т. XIX). Работа выполнена не на собственном материале, а на основе известной монографии братьев Саразинных (P. und F. Sarasin, *Ergebnisse naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon, 1884—1886*). В том же XIX томе «Р. А.», в котором помещена эта статья, находим работу Л. Годлевского (L. Godlewski) «Первобытное население Тасмании». Автор широко использовал имеющиеся в литературе данные по антропологии тасманийцев, специально изучив краниологические описания Серджи (Sergji), в распоряжении которого было 32 тасманийских черепа. Выводы свои автор строит преимущественно на этом краниологическом материале. Он полагает, что ему удалось констатировать численное преобладание в Тасмании австралоидного элемента, который характеризуется длинным средньюсыким черепом, широким лбом, средней длины лицом, средней высоты орбитами и широким носом.

Обе эти работы выполнены с применением методики выделения типов Чекановского и притом на литературном материале. Нет сомнения, что в дальнейшей своей научной

³ Автор, видимо, пока опубликовал только первую часть этой работы.

деятельности оба молодых автора учтут результаты критики, которой эта методика подверглась, и используют для своих исследований усиленно собираемый в Польской Народной Республике антропологический материал.

Тот важный раздел антропологии, который известен в Советском Союзе под названием «морфологии человека», представлен в польской литературе рядом интересных исследований. Основному вопросу, важному не только для морфологов, но для всякого антрополога, — вопросу об антропологическом типе и его характеристике — посвящено несколько работ.

Так, работа Адама Ванке «Проблема соматических типов» («Р. А.», т. XX), выполненная на материалах по 3000 призывных в возрасте 21—31 года, основана на применении нового, предлагаемого автором метода характеристики таксономических типов. Автор вначале указывает, что господствующая методика сопоставления популяций при помощи сравнения групп отдельных признаков не может удовлетворять научным требованиям. Необходимо принимать во внимание целые индивиды, рассматривать таксономические типы, а для этого необходимо уметь их количественно характеризовать. Свой метод автор демонстрирует на примере выявления различия типов телосложения среди упомянутой группы в 3000 человек. Он берет пять признаков, степень выраженности каждого из которых оценивается по трехбалльной системе. Признаки представляют собой отношения абсолютных размеров: 1) длины туловища к росту; 2) ширины плеч к длине туловища; 3) ширины таза к ширине плеч; 4) глубины грудной клетки к ее ширине, 5) веса тела к кубу роста. Теоретически возможно 3⁵ сочетаний этих признаков, т. е. 243. Однако некоторые сочетания вообще оказались нерезультативными, тогда как численность других значительно превышала теоретические предположения. Словом, эмпирическое распределение резко отличалось от вероятного (предполагая отсутствие связи между сочетающимися признаками). Разницы в численностях комбинаций, действительно получившихся и теоретически ожидаемых, были определены по методу «хи-квадрат» (при одной степени свободы). Получилось четыре группы разниц, характеризующих комбинации степеней признаков. Поскольку эти комбинации осуществлялись значительно чаще, чем в случае применения выборочного метода, они должны находиться в биологической корреляции. Поэтому автор признал их элементарными типами телосложения, обозначив определенными символами: I, A, Y, H⁴. Характерные для каждого такого типа среднеарифметические значения в дальнейшем служили «постоянными пунктами», «расстояния» от которых каждого отдельного индивида определяло степень его приближения к данному элементарному типу. Конкретно это «расстояние» вычислялось как сумма квадратов разниц между исследуемым индивидом и типом по всем пяти учитываемым признакам.

Внеся в свою методику еще некоторые уточнения, автор показал ее применение на ряде примеров. Пользуясь данными призывных участков, он дает соматологическую характеристику разных уездов Польши и прилагает к тексту соответствующую карту. В небольшой главе относительно возрастной динамики элементарных типов, пользуясь измерениями, произведенными на детях Кракова, автор характеризует распределение этих типов среди трехлетних, семилетних, одиннадцатилетних, пятнадцатилетних мальчиков и двадцатилетних мужчин. Оказывается, что I приблизительно равномерно представлен во всех этих группах (около 20% в каждой), тип A резко преобладает в группе трехлетних (43,6%), тип Y достигает 48,4% у 20-летних молодых людей и тип H часто (около 43%) встречается в возрасте 7, 11 и 15 лет, уменьшаясь к 20 годам (до 30%). Автор работы полагает, что его система морфологических типов дает возможность объективной и точной характеристики групп и может найти применение для решения задач по стандартизации предметов широкого потребления. Наконец, автор считает, что разработанная им методика позволяет обходиться без большого числа измеряемых субъектов («не требуется индивидуального определения всех исследуемых особей»). Необходимо и достаточно такое число измерений, которое обеспечивает получение надежных величин среднеарифметических всех изучаемых признаков. В целом работа А. Ванке представляет большой интерес.

Проблема выделения типов посвящено также исследование Зигмунта Махинко (Z. Machinko) «Проблема ключа для определения типов строения тела человека» («Р. А.», т. XX). Автор использовал измерения 310 польских офицеров, применяя в основном методику проф. Чекановского, и выделил 6 типов телосложения, из которых 3 главных и 3 смешанных: легкий, атлетический, тяжелый, атлетический легкий, коренастый и атлетический тяжелый. В статье приведены данные индивидуальных измерений и диаграммы, характеризующие графически сочетания признаков выделенных типов.

⁴ Тип I представляет комбинацию длинного туловища с узкими плечами, уплощенной грудной клеткой, средним тазом и малым весом по отношению к росту; тип A имеет длинное туловище, узкие плечи, широкий таз, бочкообразную грудную клетку и средний вес тела; у типа Y короткое туловище, широкие плечи, плоская грудная клетка, узкий таз и значительный вес тела сравнительно с ростом; тип H характеризуется коротким туловищем, широкими плечами, бочкообразной грудной клеткой и средним весом тела. По мнению автора, самые начертания букв, обозначающих эти типы, напоминают об их отличительных признаках.

Немало внимания уделяют польские антропологи вопросам физического воспитания молодежи. Как было упомянуто, во всех институтах физической культуры в Польше имеются кафедры антропологии, что открывает для ученых этой специальности широкие возможности разработки способов контроля над физическим развитием и изучения влияния как отдельных видов физической культуры, так и всей постановки ее в той или другой форме на физические признаки тела и общее состояние организма. Выполненные в этом направлении работы печатаются не только в антропологических изданиях, но и в журналах «Физическое образование» («Wychowanie Fizyczne») и «Ежегодник физической культуры» («Roczniki Kultury Fizycznej»). В XVII томе «Р. А.» находим работу Г. Миллицеровой (H. Millicerowa) «Изменчивость строения тела под влиянием физической культуры», выполненную по материалам обследования студентов обоего пола Варшавского института физической культуры за время с 1947 по 1950 г. Автор высказывается на основе собранных им данных против распространенного мнения относительно маскулинизации женского организма под действием гимнастических упражнений. Т. Новаковский и Ю. Перкаль (T. Nowakowski i Julian Perkal) в работе «Новые методы определения связи между ростом, весом и возрастом молодых девушек» («Р. А.», т. XVIII) предлагают ввести в употребление номограммы, разработанные ими на основе исследования показателей физического развития 4345 девушек в возрасте от 7 лет до 21 года. Эти номограммы позволяют определять, по мнению авторов, характер физического развития не только отдельных особей, но и целых групп.

По недостатку места мы вынуждены обойти молчанием целый ряд работ, представляющих немалый научный интерес. Нам пришлось действовать выборочным способом. Мы надеемся, что из этого краткого обзора советский читатель увидит, какого значительного размаха достигли антропологические исследования в новой Польше, как они разносторонни и как проявляется в них стремление польских ученых поставить науку на службу социалистическому преобразованию своей родины. С этой стороны заслуживает большого внимания еще одна форма работы польских антропологов: их просветительно-популяризаторская деятельность, принявшая ныне, как уже отмечалось, крупные масштабы. Они не только активно участвуют в прекрасно издаваемых научно-популярных журналах, таких, как «Problemy» и «Wiedze Powszechnie» («Проблемы» и «Знание для всех»), но и выпускают немалое количество книг, книжек и брошюр на разные антропологические темы, преимущественно касаясь вопросов антропогенеза.

Общее впечатление от оживленной и разносторонней исследовательской и просветительной работы антропологических сил современной Польши таково, что этой работой польская антропологическая наука сумеет разрешить те большие задачи, которые поставлены перед ней развитием культурной жизни и бурными темпами социалистического преобразования страны. Можно с уверенностью ожидать, что в ближайшие годы польская антропология получит еще более широкое развитие и займет видное место в мировой науке.

М. А. Гремяцкий

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУМЫНСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Народно-демократический режим в Румынской Народной Республике создал широкие возможности для развития науки, и в частности, этнографии.

Исследования в области этнографии в настоящее время ведут коллективы научных сотрудников Института истории искусств Академии РНР, Института фольклора, Музея народного искусства, краеведческих музеев в Сибиу и Клуже, Дома народного творчества, Бухарестского городского музея, Музея села, Национального музея древностей и др.

Этнографами Института истории искусств за последнее время подготовлено около 60 научных работ. Среди них 21 — по одежде населения различных районов Румынии, 13 — по народной архитектуре, 8 — о разновидностях народной керамики, 5 — о декоративных тканях в крестьянских домах, 2 — о художественной обработке орудий труда и 8 работ, посвященных исследованию этнографических связей народностей, населяющих Румынию.

Исследования румынских этнографов обсуждаются на ежегодных научных сессиях в Академии Румынской Народной Республики. Здесь же рассматриваются различные теоретические проблемы, а также вопросы, связанные с деятельностью краеведческих музеев в области этнографии.

Работы румынских этнографов публикуются в изданиях Академии РНР. Большое место отведено им в первых двух томах сборника «Труды и исследования по истории искусства»¹, издаваемого Институтом истории искусств.

На третьей научной сессии румынских этнографов обсуждалась работа Г. Фокша

¹ «Studii și cercetări de istoria artei», București, Academia, 1954.